

ПЬЕСА А.П. ЧЕХОВА «ЧАЙКА» В РАЗРОЗНЕННЫХ РУКОПИСНЫХ ЗАМЕТКАХ А.П. СКАФТЫМОВА¹

Наталья Новикова
Россия, Саратов
novikovanv@mail.ru

Аннотация. В центре внимания автора статьи – разрозненные рукописные заметки, сделанные А.П. Скафтымовым в ходе прочтения чеховской пьесы «Чайка». Знакомство даже с неструктурированными черновыми записями учёного позволяет говорить о том, что они стали необходимым подготовительным этапом концептуального прочтения знаменитой меликовской пьесы, каким оно явлено в статьях А.П. Скафтымова о ней. Черновики дают возможность представить ход работы над статьями о «Чайке», а также проливают свет на саму фактуру скафтымовских работ конца сороковых годов, в которых содержание новаторских представлений исследователя о драматургических принципах А.П. Чехова давно признано классическим.

Ключевые слова: А.П. Чехов, «Чайка», А.П. Скафтымов, «чайковiana», рукописное наследие, разрозненные заметки.

A. P. CHEKHOV'S PLAY "THE SEAGULL" IN SCATTERED HANDWRITTEN NOTES BY A. P. SKAFTYMOV

Natalia Novikova
Russia, Saratov
novikovanv@mail.ru

Abstract. The focus of the author – isolated handwritten notes made by A. P. Skaitytuvus in the course of reading Chekhov's play "the Seagull". Familiarity even with the unstructured draft notes of the scientist allows us to say that they have become a necessary preparatory stage for the conceptual reading of the famous Melikhov play, as it is revealed in the articles of A. P. Skaftymov about it. The drafts provide an opportunity to present the progress of work on the articles about the "Seagull", and also shed light on the very texture of Skaftymov's works of the late forties, in which the content of the researcher's innovative ideas about the dramatic principles of A. P. Chekhov has long been recognized as classic.

Keywords: A. P. Chekhov, the Seagull, A. P. Skaitymo, "canoviana" handwritten heritage, scattered notes.

В литературоведческом наследии А.П. Скафтымова заметное место занимают рукописные материалы, сохранившиеся в своё время благодаря Александру Петровичу Медведеву, ученику, коллеге, другу учёного, а затем – сохранённые Е.П. Никитиной, давней его аспиранткой, доктором филологических наук, профессором, заведующей кафедрой истории русской литературы и фольклора, некогда – скафтымовской. Среди черновых записей отчётливо выделяется своеобразная

исследовательская «чайковиана»: «Драмы Чехова», «<О “Чайке”>», «“Чайка” среди повестей и рассказов Чехова». Все три исследования, в большей или меньшей степени нуждающиеся в доработке, не отделанные автором, введены в научный оборот сравнительно недавно [Скафтымов 2000: 132-147; Скафтымов 1998: 154-170; Скафтымов 1998: 171-180; Скафтымов 2008: 315-344; Скафтымов 2008: 345-365]. В первой части трилогии «Чайка» рассматривается в драматургическом контексте («Иванов», «Дядя Ваня», «Три сестры»). Во второй части даётся её имманентный анализ, предмет исследовательских размышлений в третьей – связи «Чайки» с чеховской прозой. Попутно заметим, что к восьми опубликованным страницам последней статьи в рукописном архиве учёного отыскались ещё четыре, которые, судя по всему, являются их продолжением и логическим завершением [Новикова 2015: 28-48].

Следует сказать, что специфически чеховское наполнение «Чайки» находилось под пристальным взглядом А.П. Скафтымова на протяжении почти четверти века – примерно с середины первой половины 1920-х годов до конца 1940-х. О кропотливом, планомерном изучении пьесы говорит не только триада скафтымовских статей, но и целый блок их предваряющих, к ним примыкающих, вдогонку им отправленных черновых записей. В авторски систематизированном и в отдельных случаях поддающемся систематизации виде они вышли в свет в материалах Скафтымовских чтений 2013-2015 годов [Новикова 2014: 17-35; Скафтымов 2016: 15-42], а также опубликованы в материалах проходившей в Мелихово в июне 2014 года Международной научной конференции «Чеховская карта мира» [Новикова 2015: 366-380]. Но за пределами этих публикаций остались разрозненные рукописные заметки. К ним и обратимся.

Наиболее ранней, по всей видимости, является следующая записка, сделанная фиолетовыми чернилами на листке из блокнота:

«В “Чайке” жизненная неустроенность д<ействующих> л<иц> определяется по преимуществу индивидуально неудачливостью в жизненной судьбе каждого из них.

В “Д<яде> В<ане>” впервые с отчётливостью выступает общественная атмосфера, создающая условия к безрадостному индивидуальному существованию.

Неблагообразие, темнота и серость уездной провинц<иальной> российской жизни»².

Наблюдения и суждения, высказанные здесь, в статье «Драмы Чехова» развиваются, углубляются, становятся ключевыми, причём не только для этой статьи, но и для скафтымовской картины чеховского мира в целом. Отталкиваясь от первоначального, исследователь приходит к пониманию общего сложения жизни с неизбывным трагизмом будней. Цитирую: «И в “Чайке”, и в “Дяде Ване” мы отметили стремление Чехова представить известный ряд конфликтных состояний не как принадлежность отдельного лица, отягчённого исключительно пе-

чальной судьбой благодаря каким-либо его качествам или особым неблагоприятным обстоятельствам, и не как явление выдающихся столкновений и катастроф, а как нечто такое, что в тех или иных разновидностях присутствует в жизни (обычном множестве) массы обыкновенных людей известной среды, и не в отдельные эпизодические моменты этой жизни, а в её общем, изо дня в день дрящемся, обширном уравновешенно-будничном потоке» [Скафтымов 2008: 337]. Такому пониманию содержательной фактуры «драм Чехова» предшествует именно «Чайкой» порождённая мысль, которая в истолковании конфликта станет рефреном для последующих работ А.П. Скафтымова и об этой пьесе, и о чеховской драматургии и которая справедлива по отношению к прозе писателя: «Всё происходит само собою по роковым капризам чувства. Виноватых нет» [Скафтымов 2008: 328].

Находя в «Дяде Ване» «общий колорит пьесы» таким же, «что у “Чайки”» [Скафтымов 2008: 333], как это будет определено в «Драмах Чехова», в приведённой записи исследователь выявляет и различия произведений со стороны их содержания. По мнению автора «Драм Чехова», героям «Дяди Вани» «остаётся только голый ужас созерцания западни, в какой человек оказался и откуда уже выхода нет»: «конфликт, который составляет драматический узел “Дяди Вани”, несомненно, был навеян временем»; «трагедией времени», по словам учёного, было «на фоне общей серой унылости бесцветной интеллигентской обывательщины положение человека, безвозвратно утратившего ненужно прожитую жизнь» [Скафтымов 2008: 334]. Однако А.П. Скафтымов прочувствовал в героях «Дяди Вани» и нечто, способствующее преодолению «безрадостности» их жизни. В «Драмах Чехова» путь к выходу из «западни» обозначен: «Опять, как и в “Чайке”, пьеса заканчивается призывом к терпению, то есть к какому-то примирению с собственной обездоленностью ради каких-то иных надындивидуальных целей. <...> Необходимость идеалов, которые дают силы пережить личные невзгоды, звучит моментами по всей пьесе» [Скафтымов 2008: 336].

Подчеркнём, что для специального рассмотрения «Дяди Вани» постижение А.П. Скафтымовым «Чайки» сыграло методологическую роль (равно как и в отношении к другим пьесам А.П. Чехова). Перед нами – ход анализа «Дяди Вани», воспроизведённый на одной из четвертушек с черновыми заметками. Начинается он по-«чайкински»: «”Д<ядя> В<аня>” – это драма будней в полном смысле этого слова, драма – вскрытая в содержании ежедн<евого> текущего обихода, драма скрытая, одинокая, постоянная, не знающая конца». Узловые пункты намечаемого анализа почти дословно отзовутся в имманентном прочтении «Чайки» («Носители конфликта – все по-своему³», «Источники – сама жизнь, без виноватых»⁴, «Сущность конфликта: неудовлетворённость <...> чувств», «Без борьбы, без действия, событие – случай», «Власть действительности. Человек – жертва действительности») и – закономерный результат исследовательской мысли:

«Итог⁵. Порыв к изменению этой внешне ровной, но столь духовно бедной жизни, горькой». По убеждению исследователя – следующая фраза подчёркнута красным карандашом – «в этой огромной силе порыва к лучшей жизни и состоял огромный смысл пьес Чехова». Принципиально важный смысл перечисленных элементов содержательной структуры обеих пьес и пафос их звучания не утратят своего значения и для статьи о принципах построения пьес Чехова [Скафтымов 2008: 443-481], более того, они станут структурно-содержательной канвой этой статьи.

Несколько черновых фрагментов, не включённых А.П. Скафтымовым в обойму набросков поэтапного предварительного изучения, посвящены собственно «Чайке», безотносительно других произведений, хотя они касаются вопросов, которые были поставлены и разрешались в «Драмах Чехова», а до того – в черновиках этой ранней статьи. В центре внимания исследователя то, что составляет сердцевину пьесы, что определяет её особую драматургическую природу, следовательно, что требует концентрации аналитических усилий, возвращения к разговору. Он затрагивает внутренние сферы жизни, потаённые состояния людей искусства, различаемые сквозь призму счастья. Цитирую:

«– Не сторона того или иного содержания
Не в⁶ результатах общ⁶ественных перемен
Как принадлежность индив⁶идуального самочувствия
– Артист⁶ы и писат⁶ели со стороны вн⁶утреннего самочувствия
– даёт ли счастье?
Не даёт... 1) Своя тяжёлая, будничная сторона».

В «Драмах Чехова» сбивчивое начало этой записи приобретает упорядоченный вид: «Кроме любовных переживаний, в пьесе развёрнуты мотивы профессиональных переживаний писателей и артистов. <...> При этом – что очень важно для темы пьесы – профессиональная деятельность их всех показана не в её содержании, не в общественной стоимости, не в оценке её объективной культурной роли, а лишь в её значении для внутреннего индивидуального самочувствия самих писателей и артистов. Иными словами, речь идёт, в конце концов, только об индивидуальной радости и счастье каждого из них» [Скафтымов 2008: 325].

В статье о «Чайке» с этим рассуждением перекликается следующее: «Легко заметить, что все они (Тригорин, Треплев, Аркадина, Заречная. – *Н.Н.*) показаны не со стороны принципиально-объективного значения их деятельности, а лишь со стороны их внутреннего субъективного (писательского или актёрского) самочувствия. Речь идёт не о том, какой школе – Треплева, скажем, или Тригорина – надо отдать предпочтение, а о том, как каждый из них чувствует себя как писателя, какое счастье или несчастье доставляет им их дело» [Скаф-

тыммов 2008: 351]. Аналитический рисунок образов передаёт их напряжённо-драматическое восприятие, им наполнен и обобщающий исследовательский пассаж: «Вся пьеса во всей своей ткани развёртывает тему о возможностях и случайностях индивидуально-счастливого или несчастливого состояния, и вся писательская или актёрская жизнь взята здесь только в перспективе этой общей темы» [Скафтымов 2008: 352]. Очевидно, что формулировки, взятые из обеих статей, – при всей, казалось бы, смысловой синонимичности, свидетельствуют о разных стадиях погружения в материал: в первой автор не задаётся вопросом, обретают ли герои пьесы счастье, служа искусству, во второй он не только ставит сакраментальный вопрос, но и прямо отвечает на него, вскрывая самый нерв «внутреннего самочувствия» героев.

Вернёмся к черновому отрывку. Далее в нём приводятся уже знакомые по «Драмам Чехова», наиболее показательные моменты драматургической поэтики «Чайки». Это и «присутствие разъединяющего начала», и «неразделённая любовь – рассудку вопреки, её власть неодолимая (Маша, Трепл<ев>, Нина) Сорин», «в том и другом» видятся «рознь и одиночество». Вновь перед исследователем – «уединённая драма. Индивидуально-всеобщее. Человек – не властен. Сила обстоятельств. Драма без виноватых», которая «преодолевается лишь при наличии убеждения в сверхличной ценности своего дела».

Стабильность и точность устоявшихся положений объясняются неоднократными возвращениями к утончённой драматургической ткани, подбором оптимального для её высвечивания инструментария. И каждый раз мы обнаруживаем не повтор, а развитие мысли, обогащение идеи, оттачивание формулировки, то есть – всё более глубокое проникновение в текст. Так, указанные в черновике моменты в статье о «Чайке» стягиваются в концептуально весомый узел, филигранно воспроизводя при этом художественную логику: «Драматическое состояние почти всех действующих лиц “Чайки” состоит в их взаимном перекрёстном непонимании друг друга, в роковой расходимости, несовпадемости чувств и желаний, в неразделимости и глухом одиночестве тех страданий, которыми живёт каждый внутри себя. Сфера светлых и радостных настроений для каждого остаётся, в конце концов, закрытой, и жизнь наполняется невольным холодом взаимного непонимания и дразгами ревнивой неприязни. Виноватых нет, но всем друг от друга больно, и никто никому ничем помочь не в состоянии. Цепь роковой и неустранимой расходимости чувств охватывает всех, и отношения действующих лиц в сфере искусства включены в эту цепь» [Скафтымов 2008: 353]. Рассматривая людей искусства под таким углом зрения, исследователь выявляет существо авторской «конечной мысли» – «о недостаточности личных притязаний на счастье и о необходимости побеждающей веры в высший, объективно-общественный смысл жизни и деятельности. Человек только тогда приобретает жизненустойчивость, когда имеет нечто выше личных огорчений и выше

личного счастья» [Скафтымов 2008: 353]. Органичный для А.П. Скафтымова вывод, правота его личностно обусловлена.

Впечатляющим в этом отношении примером оказывается ещё одна страничка с черновыми заметками. Это листок из блокнота-календарика (буквально в 6,5 на 10 см) с подневной росписью предстоящих дел в одну из апрельских недель 1941 года. Среди них, к примеру, 16-го: «Аспиранты 10.30 Акимова⁸ 10 конференция о Толстом 8 ч<асов>», 17-го: «11 ч<асов> Музей Чернышевского, консультации вечерников гос<ударственный> экз<амен> с 9 ч<асов> вечера», 18-го: «Аспиранты диссертация Абрамовича». Поперёк этого перечня, на узеньком правом поле, тонким пером: «И наконец Нина Заречная⁹, центральный<ое> лицо в главном сюжетном событии пьесы, своею судьбой наиболее отчётливо ставит и решает вопрос об особом счастье¹⁰ писателя и артиста¹¹». На обороте: «Заседание каф<едры> было 9/II 45. Доклад Лихтман о пров<едении> диктовки выпускникам». И здесь же, вверх ногами – затупившимся карандашом:

- «– Пис<атели>, арт<исты> правдивостью возвышаются
 - Нина Заречная<ая> прямо там счастье
 - Есть ли счастье
 - Что отягощает
- 2) Рознь».

Как видим, листок уцелел в войну! Поразительный документ веры, надежды, мудрости, научного постоянства, исследовательской стойкости, человечности. Кстати сказать, замечание из 1941-го года дословно вошло в статью о «Чайке», за исключением слова «решает».

Рядом с основополагающими суждениями, судьбоносными для литературоведческой и театральной жизни «Чайки», ещё одна черновая запись представляет собой звено далёкой аналитической предыстории. Листок в пол-ладони разделён пополам вертикальной чертой, в правой колонке:

- «Характеризующие детали
- Удочка самодельная».

В левой колонке – наряду с пометками типа:

- «Об артистах (Шамраев)
- На воде Мопассана (об обострённом самолюбии писателей)
- Чайка
- Воет собака
- Ср<авнить> самолю<бие>
- Арк<адиной>, Треплева 181
- Лошади, хомуты. Шамраев:

“Вы не знаете, что значит
хозяйство”» –

открывающее этот живописный ряд упоминание: «О мировой душе (об одиночестве...)». В черновиках к «Драмам Чехова» А.П. Скафтымов останавливается на этом образе, в статью наблюдения о нём не включает, зато в статье о «Чайке» место им отводит в финале. Замыкая систему анализа, учёный обращается именно к возникшему в начале пьесы образу, поскольку, с его точки зрения, тот «заострён в направлении мысли об одиночестве человеческого духовного существа, о грядущей победе духа и длительном испытании, которое предстоит одинокой душе до самого отдалённого момента конечного торжества» [Скафтымов 2008: 364]. По А.П. Скафтымову, «внешне случайный образ мировой души получает непосредственное применение к основному смыслу всей пьесы» [Скафтымов 2008: 365].

Итак, рассмотрение черновиков, в том числе их неструктурированной россыпи, позволяет говорить о том, что они стали необходимым подготовительным этапом концептуального прочтения знаменитой мелеховской пьесы, каким оно явлено в статейных высказываниях о ней. Черновики дают возможность представить ход работы над каждой статьёй трилогии по отдельности и над ней в целом, а также проливают свет на саму фактуру скафтымовских работ конца сороковых годов, в которых содержание новаторских представлений учёного о драматургических принципах А.П. Чехова давно признано классическим.

Примечания

1. В основе статьи – выступление на пленарном заседании Третьих международных Скафтымовских чтений «Пьеса А.П. Чехова “Чайка” в контексте современного искусства и литературы», организованных Институтом филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Государственным центральным театральным музеем имени А.А. Бахрушина (Москва) и Саратовской государственной консерваторией имени А.В. Собинова, проведённых 5-7 октября 2015 года к 120-летию со дня написания А.П. Чеховым пьесы «Чайка» и 125-летию со дня рождения А.П. Скафтымова. [Впервые опубликовано: Новикова 2017: 213-220].
2. Здесь и далее мы старались воспроизвести графический рисунок записей.
3. Подчёркнуто синим карандашом.
4. Подчёркнуто синим карандашом, «без виноватых» - жирно, с нажимом.
5. Подчёркнуто чернилами.
6. Далее зачёркнуто: «обществ<енных>».
7. Здесь и далее подчёркнуто чернилами.
8. Спустя годы Татьяна Михайловна Акимова (1898-1987) – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы и фольклора СГУ имени Н.Г. Чернышевского, фольклорист, этнограф, краевед, литературовед (см.: Горбунова Л.Г. Акимова Татьяна Михайловна [Литературоведы Саратовского университета 2018: 12-17]).
9. Далее зачёркнуто: «роль которой целиком построена».
10. Далее зачёркнуто: «артиста».
11. Далее зачёркнуто: «В начале пьесы Нина воодушевлена верой».

Литература

- Литературоведы Саратовского университета. 1917-2017. Материалы к биографическому словарю / сост.: В.В. Прозоров, А.А. Гапоненков; под ред. В.В. Прозорова. 2-е изд., с изменениями, доп. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2018. 340 с.
- Новикова Н.В. «Чайка» в черновых записях А.П. Скафтымова // Наследие А.П. Скафтымова и поэтика чеховской драматургии: Материалы Первых международных Скафтымовских чтений (Саратов, 16-18 октября 2013 г.): Коллективная монография / редкол.: В.В. Гульченко (гл. ред.) [и др.]. – М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина. 2014. – С. 17-35.
- Новикова Н.В. Из рукописей А.П. Скафтымова: «Чайка» среди повестей и рассказов Чехова // Наследие А.П. Скафтымова и актуальные проблемы изучения отечественной драматургии и прозы: Материалы Вторых международных Скафтымовских чтений (Саратов, 7-9 октября 2014 г.): Коллективная монография / редкол.: В.В. Гульченко (гл. ред.) [и др.]. – М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2015. – С. 28-48.
- Новикова Н.В. А.П. Скафтымов в работе над статьёй о «Чайке» // Чеховская карта мира. Материалы международной научной конференции. Мелихово, 3-7 июня 2014 г. М.: Издательство «Мелихово», 2015. С. 366-380.
- Новикова Н.В. «Чайка»: разрозненные страницы рукописных заметок А.П. Скафтымова // Междисциплинарные связи при изучении литературы: сборник научных трудов / под ред. проф. Т.Д. Беловой, А.Л. Фокеева. Вып. 7. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2017. С. 213-220.
- Скафтымов А.П. <<О “Чайке”>> / Подгот. текста А.А. Гапоненкова, К.Е. Павловской; Примечания А.А. Гапоненкова // Филология: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю.Н. Борисов и В.Т. Клоков. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. Вып. 2. С. 154-170.
- Скафтымов А.П. «Чайка» среди повестей и рассказов Чехова / Сост., вступит. заметка, подгот. текста и примеч. А.А. Гапоненкова // Филология: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю.Н. Борисов и В.Т. Клоков. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. Вып. 2.– С. 171-180.
- Скафтымов А.П. Драмы Чехова / Предисл., подгот. текста и примеч. А.А. Гапоненкова // Волга. Саратов, 2000, № 2-3. - С. 132-147.
- Скафтымов А.П. Драмы Чехова // Скафтымов А.П. Собрание сочинений: В 3 т. Самара: Изд-во «Век # 21», 2008. Т. 3 / Составители Ю.Н. Борисов и А.В. Зюзин, примечания составила Н.В. Новикова. – С. 315-344, 519-522.
- Скафтымов А.П. <<О “Чайке”>> // Скафтымов А.П. Собрание сочинений: В 3 т. Самара: Изд-во «Век #21», 2008. Т. 3 / Составители Ю.Н. Борисов и А.В. Зюзин, примечания составила Н.В. Новикова. С. 345-365, 523-527.
- Скафтымов А.П. К вопросу о принципах построения пьес А.П. Чехова // Скафтымов А.П. Собрание сочинений: В 3 т. Самара: Изд-во «Век # 21», 2008. Т. 3 / Составители Ю.Н. Борисов и А.В. Зюзин, примечания составила Н.В. Новикова. С. 443-481, 532-536.
- А.П. Скафтымов. «“Чайка” среди повестей и рассказов Чехова» (подготовительные материалы). Публикация, вступительная статья, комментарии Н.В. Новиковой // «Чайка». Продолжение полёта. По материалам Третьих международных Скафтымовских чтений «Пьеса А.П. Чехова “Чайка” в контексте современного искусства и литературы». – к 120-летию со дня написания и 125-летию со дня рождения А.П. Скафтымова (Саратов, 5-7 октября 2015 г.): Коллективная монография / редкол.: В.В. Гульченко (отв. ред.) [и др.]. – М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2016. – С. 15-42.

Новикова Наталья Владиславовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Novikova Natalia, PhD – Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Institute of Philology and Journalism, National Research Saratov State University.

Dane kontaktowe / Contact details:

Новикова Наталья Владиславовна – Институт филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. 410012. Россия. Саратов, ул. Астраханская, 83, 11-й корпус СГУ (ИФЖ). E-mail: novikovanu@mail.ru